

Е. Д. КУКУШКИНА

АВТОЦИТАТЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СУМАРОКОВА

Цитирование собственных произведений — одна из особенностей творческой манеры А. П. Сумарокова, проявившаяся уже в первые годы его литературной деятельности.

Анализируя комедии А. П. Сумарокова, Ю. В. Стенник отметил многообразие источников, из которых драматург черпал художественные средства. Это русский балаганный театр, итальянская комедия дель арте, пьесы школьного театра, русский фольклор и комедии западноевропейских драматургов.¹ Структурные элементы чужих пьес служили строительным материалом для комедий с национальным содержанием и отчетливыми сатирическими целями. При этом первые русские комедии были наполнены элементами живой реальной действительности, намеками, сатирическими выпадами, которые легко угадывались зрителями. Отдельные фрагменты или реплики были в них не менее важны, чем поучительность сюжета. Публикуя комедию «Тресотиниус», Ю. В. Стенник обратил внимание на то, что в ней цитируется отрывок из трагедии «Хорев».² Он включен в монолог капитана Брамарбаса, хвастуна и забияки. Заявив Кларисе о своем намерении жениться на ней, он объясняется стихами: «Я до книг хотя и не охотник, однако, этот стишок мне очень полюбился.

Я мнил, что я рожден к единой только брани,
Карать противников и налагати дани;

¹ История русской драматургии (XVII—первая половина XIX века). Л., 1982. С. 110—114.

² Стенник Ю. В. Примечания // А. П. Сумароков. Драматические сочинения. Л., 1990. С. 467.

Но бог любви тобой ту ярость умягчил,
Твой взор меня вздыхать и в славе научил».³

Это слегка измененные строки из монолога Хорева, обращенного к Оснельде (д. 1, явл. 3). Цитата в драматическом произведении, произнесенная персонажем, всегда является осознанным выбором автора. Сумароков писал Екатерине II: «В моих сочинениях я обдумываю все слова; ведь публика наша в большей своей части без толку придирчива и еще совсем не просвещена, весьма слабо интересуясь словесностью и слишком сильно ее презирая».⁴ Монолог Брамарбаса в духе трагедии призван был вызвать комический эффект, тем более предсказуемый, если зритель угадывал источник цитирования. Это было несложно, особенно в тех случаях, когда комедия исполнялась сразу после трагедии «Хорев». Такой спектакль состоялся в Петербурге 30 мая 1750 г. Актерами были кадеты Сухопутного шляхетного корпуса.

Сумароков стремился к лаконичным и емким формулировкам своих мыслей. Он писал в «Трудолюбивой пчеле» (1759): «Острота разума обширных изъяснений не терпит: да и на что обширность, ежели без нея изъясниться удобно <...>. Быстрота разума слов берет по размеру мыслей и не имеет в головах ни излишества, ни недостатка».⁵ В том же номере журнала он опубликовал за подписью А. С. свой прозаический этюд «Письмо о достоинстве». Оно написано в духе моралистической литературы, получившей широкое распространение во Франции во второй половине XVIII в. Сумароков задается вопросом, составляют ли знатность рода, богатство и высокий чин честь и достоинство человека, и приходит к выводу, что они лишь портят людей: «...богатство умножает роскошь и высокомерие, знатность рода умножает гордость», а «чин великий» — тщеславие. По мнению Сумарокова, истинные достоинства человека составляют «чистота сердца, острота разума, просвещение мыслей и услуга роду человеческому». Рассуждение о чести оканчивается стихом, позже вошедшим в сатиру «Кривой толк».

³ Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Изд. 2-е. М., 1787. Ч. 5. С. 313. Далее в тексте ссылки на это издание с указанием части и страниц.

⁴ Сумароков А. П. Письма / Подгот. текста и коммент. В. П. Степанова // Письма русских писателей XVIII века / Отв. ред. Г. П. Макогоненко. Л., 1980. С. 99.

⁵ Письмо об остроумном слове // Трудолюбивая пчела. Июнь. С. 371—372; Сумароков А. П. Полн. собр. всех соч. Ч. 6. С. 349.

Ты честью хвалишься, котора не твоя:
Будь прашур мой Катон, но то Катон, не я.⁶

Цитата акцентирует завершение рассматриваемой темы, и автор переходит к следующей — к размышлению о чинах. Оно тоже имеет стихотворную морализаторскую концовку: «Прашур боярина отдан на съедение червям и в прах претворился, прашур крестьянина так же.

От боярина того нет уж больше страха,
И боярин, и мужик, вы потомки праха».⁷

Любопытно, что эти фрагменты представляют собой отрывки из еще не опубликованных сочинений. Сатира «Кривой толк» была напечатана лишь три месяца спустя,⁸ а строки о боярине и мужике, кажется, так и не сложились в самостоятельный и законченный сюжет.

Размышления о нравственной природе человека были продолжены Сумароковым в «Некоторых статьях о добродетели», впервые опубликованных Н. И. Новиковым в Полном собрании всех сочинений Сумарокова (1781—1782). Часть их содержит цитаты из трагедий, служащие обобщением уже сказанного и связью разных тем, сопряженных по смыслу. Рассуждая о бедности, которая «угнетает сердца» и истребляет в человеке лучшие душевные качества (статья I), Сумароков завершает первую часть текста словами:

Кто сетует всегда,
Тот действовать умом не может никогда.
Из трагедии Синав и Трувор (6; 230)

В размышлениях о людях, которые «не боги и подчинены страстям» (статья IV), писатель говорит о необходимости снисхождения к людским недостаткам, потому что человек, лишенный «человечества, противнее хищного зверя», и приводит строки:

В суде против бездельств имея сердце твердо,
Взирай на слабости людские милосердо.
Трагедия «Семира»

⁶ Трудолюбивая пчела. 1759. Июнь. С. 363.

⁷ Там же. С. 363, 365.

⁸ Там же. Сентябрь. С. 561—567.

Но потом делает уточнение: «Не почитайте недобродетельными людьми людей, подверженных некоторым слабостям, но не называйте пороками беззаконий» (VI; 237). В размышления о любви и женских добродетелях (статья V) он также включает цитату из трагедии:

Люблю Офелию; но сердце благородно
Быть должно праведно, хоть пленно, хоть свободно.

Трагедия «Гамлет» (VI; 238)

«Стремление за частными фактами увидеть общее, открыть в отдельных людях общий тип человека»⁹ сближали морализаторские этюды Сумарокова с «Размышлениями на разные темы» Ф. де Ларошфуко (1613—1680), а высказывания Сумарокова о нравственной природе человека, сформулированные в лаконичных стихотворных строках, — с его максимами.

Жанр афоризмов или максим получил популярность во второй половине XVII в. во французских литературных салонах, где велись дискуссии на темы морали, политики и философии. Традиции «моральной философии» были продолжены писателями-моралистами Западной Европы в XVIII в. Но если Ларошфуко, формулируя всеобщие законы поведения людей, стремился придать своим афоризмам самый общий смысл и скрыть их связь с конкретными событиями, которыми они были навеяны, Сумароков последовательно ссылаясь на свои трагедии, где эти мысли были выстраданы его персонажами и в их устах обрели афористичную форму. О стремлении Сумарокова к афористичности свидетельствует и то, что его формулировки, начиная с XXXI статьи, становятся короткими, обобщенными, иногда сводятся к одному предложению и по смыслу еще более приближаются к максимам: «Кто не платит долгов от недостатка, тот несчастен, а кто не платит от нехотения, тот бесчестен» (VI; 257); «Кто другу изменит или поносить будет любовницу, на того ни в чем полагаться не можно» (VI; 258); «Унижайся без подлости и возносись без гордости» (VI; 262).

Иную функцию выполняют цитаты из собственных произведений в письмах Сумарокова. Автоцитирование в его письмах заметил В. П. Степанов. В них, — писал он, — «есть цитация собственных притчей, трагедий, посланий <...>. Вся совокупность литературных реминисценций убеждает, что Сумароков принадлежал к типу писа-

⁹ Разумовская М. В. Жизнь и творчество Франсуа де Ларошфуко. Мемуары. Максимумы. Л., 1971. С. 245.

теля, творческая работа которого не прекращается никогда, и что он постоянно жил в мире идей и образов собственного творчества».¹⁰

Составляя отзыв на черновую редакцию «Наказа <...> о сочинении проекта Нового уложения», готовящегося императрицей Екатериной II для созданной в 1767 г. Уложенной комиссии, Сумароков сделал комментарии к пятой главе Наставления, в которой говорилось о вольности и ее границах. Стихами из трагедии «Ярополк и Димиза» (1758) он пытался доказать императрице, что гражданская свобода влияет на нравственность: «Вольность и короне, и народу больше приносит пользы, нежели неволя.

Зачнет перед царем он быти лицемерен.

Невольник никогда не может быти верен. Из Димизы.

Но своевольство еще и неволи вреднее».¹¹

Это цитата из монолога князя Владисана в кульминационном эпизоде пьесы (д. 5, явл. 1). Приготовившись казнить Димизу, отвергнувшую его любовь, и сослать ее возлюбленного, а своего сына, Ярополка, он на короткое время нравственно прозревает и сомневается в своей правоте:

...Богами на главу твою взложен венец,
 Чтоб был народного ты счастья творец.
 А ты свободу днесь их душ искореняешь
 И добродетель вон ты с нею выгоняешь.
 Как скоро человек в неволю попадет,
 С свободой честности немало пропадет.
 Начнет перед царем он быти лицемерен,
 Невольник никогда не может быти верен.

(III; 389)

Однако свобода должна иметь разумные ограничения: «...своевольство еще и неволи вреднее», — заканчивает Сумароков. На что Екатерина II замечает: «Нигде не найдете похвалы первой. Между крепостным и невольником разность: один привязан к земле, а другой к помещику. Как это сказать можно, отверзите очи».¹²

В письмах Сумарокова, составленных в состоянии душевного волнения, в качестве резюме, краткого подведения итога сказанному, также появляются цитаты из трагедий.

¹⁰ Сумароков А. П. Письма / Коммент. В. П. Степанова // Письма русских писателей. С. 186.

¹¹ Сборник РИО. СПб., 1872. Т. 10. С. 84.

¹² Там же.

В январе 1767 г. Сумароков жаловался С. М. Козьмину, статс-секретарю Екатерины II, что будет «голод со всем домом терпеть» по причине невыплаты ему квартирных денег за восемь лет. Первая часть письма выдержана в просительном тоне и завершается словами: «Написано может быть нескладно, а на то вот мое оправдание:

Коль вечно человек веселости лишен,
Удобно ли ему быть обществу полезным?»

Это слегка измененные слова из речи Ильмены в трагедии «Синав и Трувор» (III; 164).¹³ Упоминание об одной из самых важных для Сумарокова тем — о пользе обществу — настраивает его мысли в новом направлении, приводит его в возбужденное состояние, и тон письма существенно меняется: «Но за что я стражду? За то, что я все силы употребил ко славе российского красноречия. Я уповаю, что те деньги мне, конечно, возвращены будут, которые у меня отняли те мои неприятели, которые сами мною справедливость утверждают...». Далее следуют обвинения И. И. Шувалова в гонениях и лжи.¹⁴

В начале 1770 г. авторскому самолюбию Сумарокова было нанесено оскорбление. Вопреки его воле и соглашению с держателем московского Знаменского театра Дж. Бельмонти, московский главнокомандующий граф П. С. Салтыков приказал представить трагедию «Синав и Трувор». Она впервые должна была исполняться в Москве,¹⁵ однако роли актерами еще не были выучены. Возмущенный и оскорбленный Сумароков писал Екатерине II: «Мой разум перемешан, и я не знаю, как зачать и что писать, ибо кажется мне, что все мое красноречие нанесенной мне обиды ясно не изобразит <...>. Помилуйте меня, государыня, а я

Не емлю сил вельмож вокруг стоящих трона,
И от предписана рукой твоей закона. Из Вышеслава». ¹⁶

¹³ В трагедии первый процитированный стих читается: «Коль вечно человек печалью омрачен...».

¹⁴ Сумароков А. П. Письма. С. 100.

¹⁵ Первое представление трагедии состоялось 21 июля 1750 г. на сцене Комедиантского дома в Петергофе в присутствии императрицы Елизаветы Петровны.

¹⁶ Сумароков А. П. Письмо Екатерине II от 28 января 1770 г. // Сумароков А. П. Письма. С. 126, 128.

Сумароков приводит цитату из монолога князя Вышеслава (д. 2, явл. 6), утверждавшего, что под царской милостью может скрываться тиранство, а власть должна опираться на закон, который един для всех (IV; 26). Заменяв в цитате два слова («не емля» на «не емлю»; «моей» на «твоей»), Сумароков преобразует мышления персонажа в свое прошение. Он не может спорить с губернатором и ждет от императрицы не милости, но решения по закону.

На следующий день после неудачного представления трагедии он снова просит защиты от Салтыкова, ссылаясь на необходимость соблюдать законы: «...полномочие его под законом, а не над законом, а что он не в силу законов приказывает и в нарушение оных, так я его приказов и почитать не должен, а контракты драть и нарушать контракты законы не позволяют».¹⁷ В письмо Сумароков вложил элегию «Все меры превзошла теперь моя досада...», полную выражения душевной боли, и официальное отношение в Академию наук с просьбой о ее публикации.

Отчаянные просьбы Сумарокова не были удовлетворены.

Письма Сумарокова не только аккумулировали его разнообразное литературное творчество, но и сами послужили материалом для драматического произведения. В письме к Екатерине II, написанном в октябре 1767 г., Сумароков просил ее защиты в своем имущественном споре с зятем Аркадием Ивановичем Бутурлиным. При этом он убеждал императрицу, что Чужехват, персонаж его комедии «Опекун» (1765), не имеет никакого отношения к его родственникам: «Характер Чужехвата и зять мой и сестра берут на свой счет. Но Чужехват не изображает тех качеств нимало, какие мой зять имеет. Ибо он людям своим и дров не дает, приказывая, чтоб они дрова сами на Москве-реке добывали, следственно, приказывает он им дрова красть <...> за неумением грамоты кроме „Часовника“ ничего не читает», с должников кроме больших процентов «по два рубли в ящик собирает на жалованье своим людям», которых называет «вы мои злодеи», «носит всегда четки, по которым он молится, считает деньги» и которыми бьет слуг.¹⁸ По-видимому, уже тогда Сумароков начал писать комедию «Лихоимец», в главном герое которой, Кашее, осмеян Бутурлин. Работу над ней он закончил в следующем году.

Лихоимцем называли ростовщика, мздоимца, того, кто берет лихву, то есть незаконную мзду. Теми же словами, что и в про-

¹⁷ Там же. С. 132.

¹⁸ Сумароков А. П. Письма. С. 104—105.

цитированном письме, рассказывает в комедии о Кашее его служанка Клара: «...мы по четкам молимся, да деньги считаем», слуг называет он «Хамово колено, злодеи мои, враги мои», «прося у займщиков себе в ящичек по два рубли, а иногда и более с тысячи, будто на дачу людям жалованья, а оныя деньги себе берет». В комедии появляется эпизодический персонаж слуга Желтозер. Он обращается к Кашею: «Чем же, сударь, варить нам себе щи, когда вы нам дров не жалуете? Кашей: А сами вы дров достать не умеете? Мало ли на Москве-реке дров?» (5; 58, 95, 96, 100—101).

Другим примером цитирования в комедии «Лихоимец» можно было бы назвать притчу «Сокол и сова». Этот текст не вошел в сборник притч Сумарокова, изданный в 1762 г. и включающий 198 номеров, не публиковался в периодических изданиях и впервые был напечатан в Полном собрании всех сочинений (7; 309—310). Возможно, притча была написана специально для пьесы. Герой комедии Дорант просит слугу Пасквина передать письмо своей возлюбленной, красоту которой описывает в превосходных тонах. Пасквин произносит монолог о том, что внешность обманчива и что человека украшает лишь чин: «...не умам люди кланяются, а чинам», а затем замечает: «Читал я притчу, как некогда по страстному описанию сокол ошибся <...>. А притчу об ошибке сокола я знаю наизусть. Вот она» (5; 55—56). Этот эпизод добавил штрихи к образу ловкого слуги и познакомил зрителя с новой поучительной притчей. С той же целью — более подробно раскрыть характер персонажа — Сумароков включил в комедию «Опекун» один из вариантов известного анекдота о римском папе Сиксте V. Ее рассказывает Чужехват в оправдание своей хитрости.¹⁹

Некоторые эпизоды комедий, не являясь точными цитатами, отчетливо соотносятся с творчеством Сумарокова в других жанрах. В развернутой пародийной сцене комедии «Рогоносец по воображению» провинциальная помещица Хавронья пересказывает 4-е действие трагедии «Хорев».²⁰ С филологическими статьями Сумарокова перекликается диалог Исабеллы и Кашея

¹⁹ Другой вариант этого анекдота см.: *Курганов Н. Н.* Российская универсальная грамматика или Всеобщее письмословие. СПб., 1769. С. 145; Библиотека ученая экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная... Тобольск, 1793. Ч. 4. С. 187.

²⁰ См.: *Кукушкина Е. Д.* Метаморфозы Мольера в русской литературе (комедия «Рогоносец по воображению» А. П. Сумарокова) // XVIII век. М.; СПб., 2015. Сб. 28. С. 36—39.

в «Лихоимце» (д. 2, явл. 1). Племянница упрекает своего дядю в употреблении «присловицы» «коли правду сказать», которая «честному человеку непристойна, так как он всегда должен говорить правду». Кашей отвечает: присловицу эту «у меня многие переняли, и у многих она в такой же моде, как „*имеет быть, не имеется, преследовать и обнародовать*“». Исабелла определяет их как слова, „изобретаемые невежеством“» (5; 74). Этот эпизод отсылает нас к опубликованной в «Трудолюбивой пчеле» статье Сумарокова «К типографским наборщикам» и к его статье «О правописании» (написанной после 1771 г.). В первой Сумароков утверждал, что «некоторые авторы грамоте еще меньше знают, нежели подьячие, которые высокомерятся любимыми своими словами: *понеже, точию, якобы, имеет быть, не имеется*» (6; 315), а во второй отстаивал старое значение слов *обнародовать* — значит заселить народом, и *преследовать* — т. е. исследованное дело вновь исследовать (10; 5—38). Значение этих слов изменилось в середине XVIII в. под влиянием французских глаголов *publier* — объявить всенародно, опубликовать и *poursuivre* — в значении иметь целью, добиваться.

По-видимому, для придания действию комедий иллюзии достоверности Сумароков упоминал в них свои песни, чаще всего в начале пьесы. Попутно это позволяло ему решать некоторые сатирические задачи. В комедии «Три брата совместники» (1768) глуповатый слуга Кипарис рассказывает помещику Тигрову: «...я наемни пел песню: „Толь награда за мою верность“, ан вдруг закричал капрал: „Направо и налево, ступай!“, так я, оставив песню, вскочил и почал шагать» (5; 116). По мнению Т. Н. Ливановой, это одна из первых песен Сумарокова. Она была принята публикой с восхищением и вызвала множество подражаний. Ее распевали во всех аристократических салонах и даже во дворце перед императрицей.²¹ Песня не вошла в Полное собрание всех сочинений Сумарокова, но встречается в рукописных сборниках 1750—1760-х гг.

В комедии «Чудовищи» (1750) песня «Прости, мой свет» и трагедия «Хорев» упоминаются в связи с насмешками над Тредиаковским. В комедии «Тресотиниус» персонаж, под которым подразумевался Тредиаковский, предлагает Кларисе послушать

²¹ Ливанова Т. Н. Русская музыкальная культура XVIII века в ее связях с литературой, театром и бытом. Исследования и материалы. М., 1952. Т. 1. С. 67.

сочиненную им песню, «да еще и хореическими, сударыня, стопами», на голос популярной в то время песни Сумарокова «О места, места драгие...» (V; 301). Текстом песни, написанной Сумароковым от лица Тресотиниуса, пародировалось пристрастие ТрEDIAKовского к хореическому размеру стиха.

Сумароков не включал песни в тексты комедий, так как в них не было лирических персонажей, но понимал большие выразительные возможности этого жанра в рамках драматического произведения. В Мадригале, написанном, по-видимому, под впечатлением от исполнения своей оперы «Цефал и Прокрис» (1755) на музыку Ф. Арайя, куда наряду с хорами и дуэтами вошли небольшие песенки о любви и разлуке, он писал:

Я в драме пения не отделяю
От действия никогда;
Согласоваться им потребно навсегда.
А я их так уподобляю:
Музыка голоса, коль очень хороша,
Так то — прекрасная душа,
А действие — тело,
Коль оба хороши, хвали ты сцену смело.
С противным образом и разум — суета,
Когда не о ином, но о любви дело...
(9; 145—146)

К самому необычному и пространному цитированию своих драматических произведений — трагедий — Сумароков прибегнул в конце жизни, в 1774 г., в «Любовной гадательной книжке». О ее содержании и назначении он сообщил в предисловии, озаглавленном «Известие»: «Из шести моих трагедий: из „Хорева“, из „Синава и Трувора“, из „Семиры“, из „Ярополка и Димизы“, из „Вышеслава“ и из „Димитрия Самозванца“ выбраны некоторые любовные стихи для загадывания в любви ко препровождению времени...» (IV; 305).

Библиомантия, или гадание по книге, известно с древнейших времен. Для этой цели служили сочинения Гомера, Вергилия, а также Библия. В Древней Руси гадали по Псалтири. Простейший способ состоял в том, чтобы наугад открыть страницу и прочесть то, чего следует ожидать. Сумароков предлагает способ гадания с помощью кубика («кости»). Книга состоит из шести глав в соответствии с числовыми значениями (от одного до шести) на сторонах кубика. Сначала следовало бросать один кубик и по выпавшему числу определить главу книги, в которой следует

искать ответ. Потом одновременно следовало бросить два кубика и выпавшие на них числа сверить с таблицей, помещенной в начале книги. Сочетание цифр давало 21 вариант ответа в каждой главе. Соответственно, «Любовная гадательная книжка» состоит из 126 двустрочных цитат — ответов.

Сличение предсказаний с драматическими текстами выявляет составительский метод Сумарокова. Он просматривал один за другим тексты трагедий и последовательно выписывал из них подходящие цитаты. Так, первая глава включает девятнадцать фрагментов из «Хорева» и два из «Синава и Трувора», вторая глава — семнадцать цитат из «Синава и Трувора» и четыре из «Семиры». Глава третья, которая начинается семью выдержками из «Семиры», продолжается двестишестидесятью из «Ярополка и Димизы», которые переходят на четвертую главу и на начало пятой. С седьмого номера в пятой главе начинается цитирование «Вышеслава», которое заканчивается шестым номером шестой главы. Далее следуют фрагменты из «Димитрия Самозванца». По подсчетам Т. Е. Абрамзон наибольшее количество цитат — сорок одна — взяты из «Ярополка и Димизы», двадцать одна — из «Вышеслава», по девятнадцать из трагедий «Хорев» и «Синав и Трувор», пятнадцать из «Димитрия Самозванца» и одиннадцать из «Семиры». При этом метрическое единство книги обеспечивалось шестистопным ямбом, которым написаны все трагедии. Сумароков «вырывает из трагедии двестишестидесять, лишает их заданного смысла и превращает в отдельное, изолированное, самостоятельное событие — любовную ситуацию, переживание или наставление».²²

В некоторых случаях Сумароков делил на двестишестидесять большие монологи персонажей. Так, например, слова Ярополка («Ярополк и Димиза», д. 3, явл. 1):

Когда не мною о ней, я мысли не имею:
Наполнен весь мой ум и сердце только ею...

составляют одиннадцатый номер четвертой главы. Затем Сумароков пропускает четыре строки из текста трагедии и продолжает цитирование в номерах двенадцать, тринадцать и четырнадцать, разделяя текст монолога на высказывания:

²² Абрамзон Т. Е. «Любовная гадательная книжка» А. П. Сумарокова в контексте культуры XVIII века, или Литературная безделка от «северного Расина». М., 2013. С. 136.

Неисцелимо стал я ею заражен,
И в сердце у нея давно изображен.
(№ 12)

К ней все меня влечет, и все мне в ней прелестно,
Ея со мной лице на памяти всеместно.
(№ 13)

На всякий день ея зрю в новой красоте:
Где только шла она, мне тропки милы те.
(№ 14) (3; 369)

Разделена на два стиха и речь Димизы, причем в первой строке сделана замена. Вместо местоимения «моим» появилось краткое прилагательное «любим» (д. 3, явл. 5).

Ты долго был любим, а я была твоею.
Теперь уже не то намеренье имею.

Не ради я тебя на свете сем живу,
И узы навсегда с тобою ныне рву.
(3; 375)

Иногда строки менялись местами. Слова Ярополка из той же трагедии:

Доволясь тем одним, что мы друг другу милы,
Одолевай то все, колико станет силы.
(3; 363)

в цитате преобразились. Более энергичная строка была поставлена в начало:

Одолевай тоску, колико станет силы,
Доволясь тем одним, что мы друг другу милы.
(4; 317)

Чтобы стихотворные строки трагедий становились любовными предсказаниями, Сумароков иногда вносил в них поправки. Имена персонажей заменялись местоимениями «я», «ты» или словами «дорогой», «дорогая». Некоторые двустишия он компилировал из нескольких реплик разных персонажей или составлял из трех или даже четырех стихов трагедии, поправляя рифмы. В любовные предсказания превращались реплики, изначально имевшие другой смысл. Так, слова Русима, объясняющего князю Владисану поступки Димизы:

Димиза страстию его не обвиняла
И всю его любовь во дружество вменяла...
(III; 352)

в «Любовной гадательной книжке» становятся прямой речью героини:

Я прежде страстию тебя не обвиняла
И всю твою любовь во дружество вменяла.²³

«Любовная гадательная книжка» Сумарокова, показывающая всю гамму любовного чувства, была помещена издателем его сочинений Н. И. Новиковым в том трагедий. Однако она в большей степени принадлежит к лирическому жанру и кажется более уместна среди его элегий и песен. К лирике относил ее и А. Н. Пыпин.²⁴

Творчество Сумарокова не укладывалось в узкие рамки литературных жанров. Включая цитаты из своих произведений в новые тексты, Сумароков расширял их изобразительные возможности и предлагал читателям и зрителям своеобразную игру на узнавание.

²³ См.: *Абрамзон Т. Е.* «Любовная гадательная книжка»... С. 140—148.

²⁴ *Пыпин А. Н.* История русской литературы. В 4 т. СПб., 1899. Т. 3. С. 463.